
Жалко, что лето кончилось.

В запахе палой листвы, не примятой ещё дождём, —
голос прошедшего лета, понятный дыханию.

И диалог длится:

выдох, вдох.

Можно уже бесстрашно сорвать листок —
жёлтый ли, красный —
между страниц книги его положить
и забыть.

А после,

глубокой зимой,

под лампой

открыть эту книгу на нужной странице,

чтобы допеть

непонятно откуда возникшую

песню

дождя...

Солнце надо писать,
пока свет не начнёт получаться
равным оригиналу
в каждом своём луче.

Почти во всём так,

только,
когда напишешь хотя бы одно письмо,
ты поймёшь,
что был тысячу раз не прав,
и адресат сменился,
представляешь!
У него другие глаза,
другая речь,
имя другое!
Где же тут вспомнить,
что солнце осталось –
неразделённым?

Слушай: душа распелась,
развернулось крыло,
голубой, агатовый разливая цвет.

Я
по прошествии лет
забыла, какая она – душа –
часть Мировой души.

Боль, что стремилась вширь,
истончала
и без того тонкую ткань...
ей уплачена дань
без остатка,

больше не требую ни у кого
вернуть мне крыло –
новоеросло...

Ветер почти не слышен –
так мне с тобой тепло...

"Дом Рэя Брэдбери
в Лос-Анджелесе
снесён" –
предновогодние новости из газет.
– Монтэг, скажите, Монтэг, и это всё?
Разве никто не станет о том скорбеть?!

Сквозь его окна, знаете, не пустота –
звёздное небо просматривается вдаль.
Жёлтые стены в пространство его листа
мерно втекают. А надпись на них:
"Не жаль!.."

– Ты же участвуешь, значит, всё хорошо.
Ты же сочувствуешь, значит, ещё жива.
Где-то над миром ласковый дождь прошёл –
время отыскивать радужные слова,

раз в твоём веке и книги порой – что яд.
Знай, что за гранью, за исчисленьем лет
жёлтые стены крепко ещё стоят
и не сгорает дочитанный "Фаренгейт".

Я чую долгий предпросмотр
твоих историй, твоих прощаний.

Переливается перламутр
когда-то выданных обещаний.

Шары воздушные всех чудачеств
горенье дня наполняет паром.
Себя не смоешь, себя не спрячешь
в морской волне и в песках Сахары.

А я – невольнейший провокатор,
что делать и говорить – не знаю.
Ни сны, ни звёзды не виноваты,
что надо в рай. И не забегая
вперёд...

Старик

Всё-то гложет его беспокойство.
За кого – разберёшь ли теперь?
За себя? За внезапного гостя?
Из-за ветра, открывшего дверь

в новый год,
в новый холод и муку? –
(а жена? ах, так рано ушла!..) –
и прошу я за старшего друга:
Ангел дружбы, расправь два крыла!

Встань теперь за спиною тяжёлой,
чтоб не думал ни днесь и ни впредь,
будто жизнь его стала дешёвой,
будто надо ему умереть.

Я, наверное, буду вот так же
Беспокойно на юность смотреть...